

ЕКАТЕРИНА БАКУЛИНА

ДЕТИ
МЕРТВОГО ЛЕСА

16+

Екатерина Бакулина

Дети Мертвого Леса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64880091

SelfPub; 2021

Аннотация

Он – Хёнрир сын Даки, лорд Синего Дома, прямой потомок Ильгара, самая могущественная и опасная тварь Мертвого Леса. У него было все – сила, власть, победа в войне. Но сразу после победы... все закончилось. Он очнулся в доме незнакомой женщины, в деревне, на краю всего... Слепой. Почти без одной ноги, не в состоянии ходить. Лишившись магии. Лишившись имени. Не понимая, что случилось и как попал сюда. Теперь перед ним два пути: смириться или вернуть себе все... Вторая книга дилогии. Самостоятельный сюжет. Первая книга: Эрлин из Красного Дома.

Содержание

Пролог. Крепость	4
Глава 1. Хёд	14
Глава 2. Эрлин	32
Глава 3. Шельда	42
Глава 4. Хёд	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Екатерина Бакулина

Дети Мертвого Леса

Пролог. Крепость

– Что ты решил? – спрашивает Шельда.

Подходит, обнимает сзади, прижимаясь щекой к его спине.

Спрашивает просто для того, чтобы услышать его голос. Ей нужно... Еще немного, и она потеряет его, и с этим ничего уже не сделать. Но пока он здесь, она хочет услышать, обнять... чтобы запомнить.

Ответ она знает давно.

Нораг вздыхает в ее руках, Шельда чувствует это всем телом. Он стоит, опираясь ладонями о подоконник, глядя в предутренний сумрак. Небо сереет на востоке.

– Ты ведь сможешь укрыться сама и укрыть Тьядена? – глухо спрашивает он. В который раз спрашивает, но ему тоже важно услышать снова. Важно знать, что им не грозит беда.

– Да, – говорит Шельда. – Не волнуйся за нас.

– Укрыть его так, чтобы он не рванулся в бой? Увести его отсюда, когда все закончится.

– Да, – говорит Шельда. – Я с ним справлюсь. Значит, ты решил пойти против воли магистрата и городского Совета?

– Пока не закончилась война, решаю я, – говорит Нораг глухо, жестко, словно Шельде он тоже должен что-то доказывать. – У меня приказ, держать город любой ценой, столько, сколько это возможно.

– Погибнут люди...

– Люди погибнут в любом случае. Лучше умереть сразу, человеком, чем год за годом медленно превращаться в тварь.

Шельда чувствует, как его плечи напрягаются. Трется о него щекой. Потом отпускает, заставляет развернуться к себе и обнимает снова.

– Я люблю тебя, – говорит она.

Он обнимает ее в ответ, прижимает к себе, целует в макушку.

– Ты вся моя жизнь, – говорит Нораг шепотом.

Потом наклоняется и целует ее в губы, нежно...

– Ты такая красивая, – говорит еще, – что мне иногда становится страшно. Как же ты столько лет со мной? За что?

Шельда шмыгает носом, тянется, касается его лица, нежно гладит пальцами... седая колючая щетина на щеках, пучки морщинок в уголках глаз, резкая суровая складка между бровями... Столько лет...

– Как же я без тебя? – говорит она.

Он заглядывает ей в глаза. Долго, молча стоит, словно прощаясь.

– Позаботься о Тьядене, ладно? – говорит Нораг. – И не плачь. Мне пора идти.

– Ненавижу его! – тихо, но так горячо говорит Шельда, прижимается крепче, стараясь сдержать слезы. – Он словно паук! Он даже до тебя пытается дотянуться, сделать послушной тварью.

Нораг бережно гладит ее по волосам.

– Хёнрир сражается так, как может сражаться. Если он пытается взять город, пролив меньше крови, разве это так чудовищно?

– Еще немного, и ты сам откроешь ему ворота...

– Нет, – говорит Нораг. – Ты же знаешь. Но кровь прольется в любом случае. Если Лес хочет крови, его не остановить.

* * *

Переговоры. Снова и снова тянуть время.

Нораг берет арбалет... проверяет по привычке... Только плохой из него стрелок, и глаз не всегда верен, и руки... Мечник из него хороший, а арбалетчик плохой. Но какое это имеет значение?

Дождь принимается лить сильнее.

Ночью твари у стен выли как-то особенно. Заждались?

Все заждались. Еще немного, и Норага самого скормят тварям, причем свои же, которые тоже устали ждать. Многим кажется, лучше добровольно перейти под протекторат Леса, чем быть разорванным тварями, а если Нораг думает иначе, то может сам перерезать себе глотку. Или ему помогут.

Шельда сказала – сегодня. Будь готов.

Старый дурак, на что он рассчитывает? Или это просто упрямство? Держаться любой ценой. Не сдаваться. И вот теперь он снова лезет на крепостную стену, чтобы послать Хёнрира в задницу. Зачем? Их сопротивление похоже на фарс. На игру в кошки-мышки. Если Лес решил забрать город, если твари подошли к стенам – дергаться бесполезно. Так же бесполезно, как гнать смерть от своих ворот.

Переговоры.

Хёнрира они откровенно забавляют, солдаты молятся, горожане воют от страха, и лишь Нораг изо всех сил строит из себя могучего воина, который может город не сдать. С каждым днем это выходит все труднее.

Длинная, мать ее, бесконечно длинная лестница. Нораг добирается до середины, останавливается, привалившись плечом к стене, тяжело и со свистом втягивая воздух. Еще... еще столько же. Зверски болят колени, то ли от непогоды, то ли от того прыжка через камни с огромной высоты, когда крепостная стена рушилась под ногами. Стар он для этого.

Слишком стар. И даже Шельда ничего не может с этим поделать... люди смертны.

Арбалет тянет спину. Нужно было взвести еще вниз, на земле, а теперь, с трясущимися коленями, у него может не хватить сил.

По лицу катятся крупные капли пота, застревая в щетине на подбородке.

Наверху, по камням, стучит осенний дождь.

Пора.

Последние несколько ступенек Нораг проползает на четвереньках и долго стоит так, стараясь отдышаться, лишь потом тяжело поднимается, хватаясь за стену.

Кружится голова. Холодно...

Хёнрир уже ждет его. Там, внизу.

– Эй! – кричит Нораг. Выходит хрипло и глухо, но Хёнрир слышит, машет в ответ.

Молодой лесной лорд Синего Дома ждет у самой стены, без коня и доспехов. Говорят, доспехи ему ни к чему, он неуязвим, его защищает сам Лес. А здоровенный черный конь Хёнрира боится свиста арбалетных стрел... любой бы испугался, когда стрелы выбивают землю из-под копыт. Поэтому лорд ходит пешком. Каждый день.

– Доброе утро, комендант! – приветствует он. – Погодка чудесная!

Хёнрир ждет давно, вымок насквозь, цепочки следов в одну и в другую сторону – натоптал по грязи. Надоела лорду эта морока?

– Чудесная, – отзывается Нораг. Долго орать не хватает сил, начинает першить в горле. – Зачем ты пришел?

– Решил прогуляться перед завтраком. Для аппетита!

Издевается Хёнрир, весело ему. Вроде и не кричит, а слышно его отлично, так, что зависть берет. Нораг все горло уже сорвал.

– Убирайся!

– Подожди, не торопись! Ты еще даже не стрелял!

Нораг скрипит зубами, тянется за арбалетом.

– Подожди, – говорит Хёнрир, на этот раз без всякого веселья. – Я пришел сказать, что время вышло. Либо завтра утром ты сдаешь город, и тогда я гарантирую жизнь всем. Либо я выпускаю тварей. Лесу нужна свежая кровь.

Вот и все. Шельда была права.

Нораг, не торопясь, перехватывает арбалет удобнее, цепляет крюком тетиву, натягивает с усилием, едва не упав – нога подворачивается в стремени. Вскидывает к плечу.

– Мой ответ остался прежним, – кричит он.

В-ш-ших, свистит тетива.

Нораг стреляет каждый раз, ни на что не рассчитывая, и каждый раз промахивается. Никудышный из него стрелок... Но сейчас... Удар!

Хёнрир покачивается, отступая, рука скользит вдоль бока, сжимаются пальцы. Попал?! Стрелу Нораг заметил не сразу, и не в боку лесного лорда, а сзади, в земле. Оперение из белого стало алым. Стрела прошла тело насквозь. Хёнрир стоит все так же спокойно и ровно, может чуть более ровно, чуть менее свободно, чем раньше.

Алая... Алая, значит, у него кровь, кто бы мог подумать. А говорят, Хёнрир давно тварь.

– Попал! Молодец! – Хёнрир кричит отрывисто, машет ладонью, пальцы в крови. – До завтра время есть. Думай.

Потом поворачивается и идет назад.

* * *

– Крысы, – цедит Хёнрир сквозь зубы.

Он нависает над магистратом черной грозовой громадой.

Презрение. Даже не злость, одно презрение застыло в его глазах.

Магистрат съеживается перед ним, втянув голову в плечи, редкие седые волосы нелепо треплются на ветру.

– Мы хотим перейти под протекторат Леса, господин, – повторяет он. – Мы хотим сдаться. Мы все хотим сдаться. Мы признаем вашу власть, господин, и готовы...

– А он? – Хёнрир не желает слушать, показывая рукой в сторону.

Там, в центре площади, на невысоком помосте, стоит столб. К столбу привязан Нораг, раздетый догола. Жертвенный баран.

– Он... он не хотел, – у магистрата отчаянно трясутся губы.

– Какие же вы крысы!

Широким размашистым шагом Хёнрир пересекает площадь, запрыгивает на помост. Натужно скрипят доски.

– Доброе утро, комендант, – говорит тихо. – Давно хотел посмотреть на тебя вблизи.

Нораг поднимает на него глаза... синие... льдисто-голу-

бые, ясные, на осунувшемся сером лице.

– Смотри.

Губы у Норага тоже совсем синие от холода. А колени распухшие, воспаленные, темно-бордовые. Стоять он уже не может, держится лишь – тяжело повиснув на веревках.

– Так значит, защита была не твоя? – говорит Хёнрир, скорее даже обращаясь не к Норагу, а к каким-то своим мыслям. – Кто помогал тебе?

– Амулеты, – в голосе Норага ясно слышен сарказм. – Древние амулеты Йорлинга.

– Нет, – Хёнрир качает головой. – Я ни разу не видел амулетов такой силы, тем более узконаправленных, почти не дающих постороннего фона. Это живой источник.

– Ты еще много чего не видел, лесной лорд. Мир огромен. Нораг усмехается, хотя его трясет от холода.

– Верю, – соглашается Хёнрир. – Кто помогает тебе?

– Ты будешь меня пытаться? – спрашивает Нораг.

Хёнрир долго, молча, смотрит на него, раздумывая.

– Да, – говорит, наконец. – Буду. Прикажу отвести тебя в лагерь. Хотя, думаю, упрямства тебе не занимать и ты просто молча сдохнешь под пытками. Но попробовать стоит. Даже притом, что защита твоя личная, и кто бы не помогал тебе, он защищал только тебя, не пытаясь оградить город. Но я бы не хотел нарваться на это снова.

Нораг молчит. Стиснув зубы... пыток он не боится.

Хёнрир разглядывает его.

– Сколько тебе лет? – говорит вдруг. – Я бы дал пятьдесят – пятьдесят пять, ну, шестьдесят, самое больше. А если бы видел только, как ты дерешься, то и пятьдесят бы не дал. И сколько лет ты комендант Фесгарда? Почти двадцать? Я интересовался... Когда ты приехал сюда, то уже был не молод, с огромным послужным списком... впрочем, мутным... Сколько тебе было? Пусть сорок. С тобой приехала молодая жена...

Хенрир замолкает. Со значением... Чуть ухмыляется.

Лицо Норага каменеет. И, пожалуй, смятение в его глазах, которое он так отчаянно пытается скрыть, выдает с головой.

– Хорошо, – говорит Хёнрир. – Мне бы очень хотелось с ней поговорить. Я уже велел послать к твоему дому, хотя подозреваю, что там никого найдут. Если скажешь, где искать, это спасет жизнь тебе и ей.

– Нет, – говорит Нораг. – Ты ее найдешь.

– Я прикажу выпустить тварей, – говорит Хёнрир.

– Тварей? – удивляется Нораг. – Ты обещал пощадить всех, если город будет сдан. Это была ложь?

– Нет, не ложь. Но я договаривался с тобой, а не с ними, – он кивает в сторону магистрата. – Решение за тобой. И я хочу спросить в последний раз. Ты готов сдать?

Нораг моргает, хмурится, не веря и не понимая, потом фыркает недоверчиво и начинает смеяться таким страшным, глухим клокочущим смехом, переходящим в кашель.

Хёнрир терпеливо ждет.

– Я не верю... какого хрена тебе надо? – отсмеявшись, Нораг плюет в сторону.

– И все же?

Хёнрир хочет услышать ответ.

– Меня... и так сдали.

– Я предлагаю жизнь.

– Это не жизнь, – Нораг дергает щекой. – Лучше быстрая смерть, чем год за годом превращаться в тварь. Нет.

– Хорошо, – соглашается Хёнрир. – Так и будет.

Глава 1. Хёд

Чайник закипел. Свистит. У этой заразы где-то свисток, как только закипает – орет на весь дом. И ничего с ним не сделаешь.

Сейчас...

Хёд сжимает зубы, пытается приподняться локтях. На ноги встать не выйдет. Он не может ходить.

Свистит чайник.

Кажется, Шельда специально сделала это – повесила над огнем и ушла. Непонятная, мекая месть... за что? Или не такая уж и мелкая, если подумать. Но если Шельда что-то знает о нем, то Хёд вообще не должен быть очнуться. Должен был умереть. Его не должно быть здесь.

Почти три месяца. По крайней мере, так ему сказали. Но очнулся только вчера.

Его нашли в Красной Пади, полумертвого, в луже собственной крови, ни одной целой кости, все переломано, даже спина.

В эту историю Хёд как раз верит, помнит, как это было. Но совсем не верит тому, что было потом.

Три месяца он лежал в забытии в этом доме, и Шельда сидела рядом с ним. Ему сказали – она его вылечила. Хорошо, пусть так... Даже не важно, как она смогла, у него хватило бы собственных сил. Пусть срослись кости... Но случайно

ли это?

Шельда, значит...

А он – Хёд.

«Тебя будут звать Хёд, – сказала она. – Ты ведь не помнишь своего имени».

Так уверенно сказала, что он даже сомневаться не стал. Не помнит. Ничего не помнит. О его прошлом, о его имени лучше молчать, иначе можно умереть раньше, чем понять хоть что-то.

Чайник...

Орет так громко, что раскалывается голова.

Хорошо...

Хёд садится в постели. Слабость накатывает разом так, что кружится голова. До дрожи. И кашель... Кашель хуже всего, потому что от каждого неосторожного вздоха разрываются легкие.

Когда удастся справиться с кашлем, чайник все еще свистит.

Сбросить одеяло, сдвинуть ноги в сторону, с кровати. Уже сейчас спина мокрая от пота... Постараться подвинуться так, чтобы поставить ноги на пол... правую ногу. Левая – намного короче, кривая, сухая и вывернута в колене, так что вряд ли удастся опереться на нее. И на одной ноге далеко не ускачешь.

Со стороны изголовья кровати – стена. Подвинуться немного, так, чтобы опираться о стену рукой...

Интересно, можно ли по стене дойти до кухни? Хёд даже не видит. Он слепой.

Самое смешное, что он от рождения слепой. И от рождения одна нога короче другой. Только в той, его прошлой жизни, все было иначе.

Удивительно, как меняется мир, когда больше не видишь и не можешь ходить. Сжимается. Становится чужим.

Встать?

От слабости трясутся руки. Встать, опираясь на одну руку и одну ногу – не выходит, не хватает сил. Хёд пытается... раз, другой... Надо иначе?

От усилий сердце колотится где-то в горле, не давая дышать.

И что-то меняется...

Он не сразу понимает, потому что не слышит, только ощущает что-то присутствие. Шельда? Тихо... То есть не тихо, чайник свистит, и за этим свистом невозможно уловить ее дыхание. Шагов не слышно. Ничего...

Ладно. Еще раз?

Пододвинуться к стене ближе, так, чтобы опереться двумя руками. Упереться, стараясь подняться, хоть как-то распрямить ногу... срывая пальцы, пытаюсь ухватиться хоть за что-то... Про левую ногу можно вообще забыть, пусть она и касается пальцами пола, но не слушается совсем... Медленно... И все равно – одно неудачное движение, и правая нога подгибается тоже. Хёд с грохотом падает на пол, плечом

о табуретку, стоящую рядом, ребрами о кровать... Дыхание перехватывает.

– Что ты делаешь? – спрашивает Шельда. Очень спокойно, равнодушно.

Чтобы ответить, нужно хоть как-то справиться с дыханием, нужно вдохнуть.

Окончательно сползти на пол, сесть, опираясь спиной о кровать. Ничего, Шельда подождет.

– Чайник закипел, – говорит Хёд. – Я хочу снять его.

– Чайник? Он тебе мешает? Почему ты просто не позвал меня?

– Ты думаешь, я могу кричать громче, чем он свистит?

Тихий смешок.

Шаги. Слышно, как Шельда идет... мягкие шаги, женские... шуршит юбка. Переступает что-то... Там ступенька? Надо запомнить. Слышно, как снимает чайник с огня, ставит на стол.

От внезапной тишины закладывает уши.

– Тебе не стоит вставать, – говорит Шельда.

– Почему?

– Ты очень слаб, – говорит Шельда. – Будет только хуже.

– Хуже? – Хёд тихо смеется, и от этого смеха накатывает кашель. И вместе с кашлем подступает тошнота, скручивает... хорошо хоть в желудке ничего нет. – Прости, – говорит он, справившись, отсмеявшись, утерев рот тыльной стороной ладони. – Смешно...

Пытается отдышаться.

Слышит, как Шельда подходит. Останавливается рядом, в нескольких шагах, разглядывает его.

– Ты всерьез рассчитывал дойти?

Хёд поднимает голову к ней. Он не видит, но все равно поворачивается, по привычке.

– Я всерьез рассчитываю уйти отсюда, – говорит он. – Так быстро, как только смогу. И почему бы не начать с того, чтобы добраться до чайника?

– Уйти? И куда ты пойдешь?

– Домой, – говорит он.

– Домой? – удивляется Шельда. – Ты ведь не помнишь, кто ты такой и откуда? Где твой дом?

– Не помню, – послушно соглашается он. – Но мой дом точно не здесь.

Он и так задержался на три месяца. Дома его считают погибшим? Эрлин уже не ждет его?

Он должен вернуться...

Сейчас... подтягивает ногу под себя, с усилием переворачивается, становясь на колени. Приподнимается. Наваливается грудью на кровать, заползает, втаскивает себя руками, падая лицом в край подушки. Кое-как, из последних сил, перекатывается на спину.

В ушах звенит.

От пота мокрые даже ладони.

Шельда смотрит.

– Тебе надо поесть, – наконец, говорит она. – У меня недавно сварился бульон, я сейчас принесу.

Уходит в глубину дома, куда-то во тьму, на кухню. Гремит чем-то. Достает посуду, снимает крышку, наливает. Хёд пытается сесть, привалившись к стене.

– Я налила в кружку, – говорит Шельда, возвращаясь. – Так тебе будет удобнее. Только подожди пока, очень горячий.

Поправляет табуретку у кровати, ставит кружку на нее.

– Спасибо, – говорит Хёд.

В животе урчит от запаха еды. Вчера, когда очнулся, Шельда давала ему только какой-то отвар, густой и горький, сказала, что поможет восстановить силы. И немного кислого молока потом. А сейчас – бульон пахнет просто умопомрачительно, ждать невозможно.

Хёд протягивает руку, пытается нащупать... осторожно, чтобы не задеть, не уронить. Берет. Кружка тяжелая, руки от такого веса чуть подрагивают, приходится держать двумя... но с этим еще удастся справиться. Горячая... Осторожно, обжигаясь, сделать маленький глоток.

И снова накатывает кашель. Кружка прыгает в руках, брызги...

Шельда успевает перехватить, отобрать. Но Хёд все равно успевает обжечь пальцы. Облизывает, потом вытирает об одеяло. Жирный бульон, страшно вкусный.

Вдох-выдох... надо собраться... спокойно.

– Я помогу, – говорит Шельда. Уверенно берет его за руку, вкладывает кружку, осторожно придерживает сама. – Не торопись.

У Шельды тонкие нежные пальцы, но очень сильные. От нее пахнет медом и травами... чабрецом... удивительно. И чем-то еще, едва уловимым, Хёд пытается понять, но это все время ускользает...

Опасной силой пахнет.

Хёд пьет маленькими глотками, и по телу разливается тепло. Безумно хорошо.

* * *

Сегодня Хёд успел справиться, но... вчера, когда только очнулся – волнами накрывала паника, до истерики, до невозможности дышать. Нет, он держался... как мог. Но собственная беспомощность сводила с ума. Вчера он лежал, отвернувшись к стене, пытаясь осознать... Вдох-выдох... нужно понять...

Как вышло все это?

Последнее, что помнит – они неделю, как взяли Фесгард. Ночью сидели с людьми у костра, в лагере, а не в крепости, где слишком много крови... еще немного, и ушли бы домой. И вдруг Лес дернул его, потянул с такой силой, что сопротивляться зову невозможно. Как никогда еще в жизни. Выворачивая... Напрочь лишая воли.

«Убей его!» – звенел в ушах женский крик. «Иль, убей его! Убей эту тварь! Я ненавижу! Иль...»

И Лес взялся убивать.

– Я убью его! – серьезно говорит Тьяден.

Мальчишка. Младший брат Шельды, насколько Хёд успел понять. Он сидит за столом... стол тут неподалеку... уплетает за обе щеки куриный суп.

Весь день Тьяден помогает кому-то из соседей с овцами, за это им с Шельдой дают молока и крупы. У Шельды куры и ткацкий станок... Они не здешние, просто дом был пустой, их пустили перезимовать. Старые хозяева ушли, когда войска Леса взяли Фесгард. Сейчас здесь слишком опасно, многие ушли. Того и гляди – появятся твари...

– Вырасту и убью! – говорит Тьяден.

– Кого? – спрашивает Хёд.

– Хёнрира! Я не верю, что он умер. Он где-то там... Рано или поздно я убью его!

«За что?» – глупый вопрос. Тьяден человек. Их ненависть к лесным тварям понятна. А Хёнрир – самая кровожадная тварь.

– Сколько тебе лет? – спрашивает Хёд.

– Двенадцать! Я уже взрослый! – горячо и уверенно говорит Тьяден.

В двенадцать Хёд сам уже сражался, в четырнадцать – командовал людьми... Но Тьяден... По тому, с каким азартом

он обещает убить, сразу ясно, что убивать ему никогда не доводилось.

– Ты умеешь драться? – спрашивает Хёд. – Владеешь оружием?

– Умею! – говорит Тьяден. – Мой отец учил меня. Он был лучшим воином из всех, кого я знал!

Мальчишка.

– Он погиб?

– Да. Хёнрир убил его.

Погиб в битве за Фесгард?

– Хёнрир? Лично?

– Да, сам, – упрямо говорит Тьяден, и вдруг такая неподдельная ярость в голосе. – Хёнрир заставил моего отца сдаться, пытал, а потом убил.

Какого хрена?

– Он был комендантом Фесгарда, – говорит Шельда.

Нораг? Нораг был его отцом? Их отцом?

Стоит усилий сохранить невозмутимое лицо.

В голосе Шельды ясно слышен вызов.

Она что-то знает? Знает кто он?

Но кто тогда она сама?

У Норага был сын, но дочери не было. Зато была жена. Двадцать лет назад Нораг приехал в Фесгард с женой и до взятия крепости она...

– А ваша мать? – спрашивает Хёд осторожно.

– У нас нет матери, – говорит Тьяден. – Мы с отцом жи-

ли... втроем.

Шельда.

Молодой голос, нежные руки, легкие движения. Сколько же ей? Дочь? Любовница? Норагу было столько, что и внучкой могла бы быть.

– Что-то не так? – говорит Шельда.

– А тебе, Шельда, сколько лет? – спрашивает он.

– Двадцать один, – говорит она.

Не сходится. Что-то отчаянно не сходится... если он только сам не сходит с ума.

– И вы были в Фесгарде вместе с отцом? – говорит Хёд.

– Да, – говорит Шельда. – Мы были с ним.

– И вы остались живы в городе, захваченном тварями?

– Да, – говорит Шельда. – Мы спрятались. Тебя это удивляет?

Безумие...

Или все куда сложнее.

– Пожалуй, удивляет, – говорит Хёд. – Как твари могли не найти вас?

– Нужно уметь прятаться, – говорит Шельда. – В Фесгарде глубокие подземелья.

Хёд качает головой.

Ни одно подземелье не спрячет от тварей.

– Хёнрир обманул моего отца! – говорит Тьяден. – Он обещал, что если город сдадут и ворота откроют, то сохранит людям жизнь! Но он выпустил тварей и залил город кровью.

– Твой отец хотел сдать город? – говорит Хёд.

Тьяден сопит, сердито и слегка обиженно. Знает, что не хотел. Знает, что Нораг готов был умереть, но не сдаться.

– Магистрат открыл ворота и сдал город, – говорит он. – Сделали все, как требовали эти твари! Что еще было нужно? Хёнрир обманул, поступил подло. Он ответит!

Ответит... Так наивно, что почти смешно.

– Магистрат? – говорит Хёд. – Разве Хёнрир договаривался о сдаче города с магистратом?

– А разве это имеет значение? – говорит Шельда. – Город сдан. Что за игры, в которых любой шаг можно представить так, как удобно? Погибли люди. Весь город был залит кровью. Твари рвали людей на части... женщин, детей... В городе, который открыл ворота и так надеялся на мир, на жизнь... Там такое творилось... чудовищно. Улицы, заваленные разорванными, обглоданными телами... Никто не мог спрятаться от них.

– Никто не мог? – говорит Хёд. – Но вы же спрятались?

Шельда молчит.

Слышно, как Тьяден сердито бросает ложку в тарелку, отодвигает.

– Я хотел драться! – горячо говорит он. – Я не хотел прятаться! Я хотел выйти и драться с ними! Я уже мужчина!

– И первая же тварь отгрызла бы тебе голову, – говорит Хёд. – Кому бы ты тогда отомстил?

Мсть – отличная штука. Иногда это единственное, что

помогает не опустить руки.

– Если ты умеешь прятаться, Шельда, – говорит Хёд, – если в Фесгарде глубокие подземелья, то почему тогда ты не увела этих людей, детей, женщин, с собой? Ты жива, а они умерли.

Слышно, как Шельда встает.

– Какое право ты имеешь обвинять меня? – говорит она. Холодная сталь в голосе. И ненависть, которая пытается найти выход.

– Разве я обвиняю? – говорит Хёд. – Я просто спросил, как это вышло. Но, полагаю, что и сам знаю ответ. Нельзя спасти всех. Кого-то все равно придется принести в жертву. Чужого. Чтобы спасти своих. Вы могли спрятаться вдвоем. Но если бы повели за собой десятки, сотни людей – вас бы нашли, и шансов спрятаться уже не было бы. Всегда приходится делать выбор. Ты поступила разумно, так, как было выгодно.

«Амулеты Йорлинга»... она не может не знать. Та сила, с которой Хёд столкнулся в Фесгарде – слишком велика. И то, с чем он столкнулся после...

Нораг умер, не желая говорить, где Шельда. А теперь вот она – сама нашла его. Надо только понять.

– Ты ничего не знаешь обо мне, – голос Шельды напряженно звенит.

– А ты? Что ты знаешь обо мне, Шельда?

– Шельда, ты дома?! – вдруг доносится с улицы, и стук в дверь. Мужской голос, сильный, требовательный, впрочем,

без угрозы, скорее... по-соседски.

И, не дожидаясь приглашения, он открывает дверь.

* * *

– Доброго вечера, Шельда! Решил заглянуть, меду тебе принес... хороший мед, жена передать велела, очень ты ей помогла, да...

Гость неуверенно мнется у порога, что-то смущает.

– Заходи, – говорит Шельда. – Я как раз пирог испекла, с капустой... садись, поужинай с нами. Как Нита себя чувствует?

– Хорошо! – говорит гость. – Вот прямо сразу полегчало ей, после тех травок, что ты дала. Встает уже! А то ведь совсем было слегла... Так что мы очень благодарны тебе. Да... А это ведь... Шельда... говорят, раненый твой очнулся?

На Хёда он посмотреть пришел, а вовсе не с благодарностью и не с медом.... Хотя, одно другому не мешает.

– Очнулся, – говорит Шельда. – Вон он лежит, хочешь, иди, посмотрит на него.

Шаги. Тяжелые, сапоги подбиты железом... Гость подходит, останавливается рядом. Потом берет табуретку, кружку, стоящую на ней, ставит на пол рядом, а сам садится.

– Вот, значит... очнулся... – задумчиво говорит он. – Что же случилось с тобой, парень?

От него пахнет потом и сосновой стружкой, смолой и

немного дымом.

Хёд сидит, опираясь спиной о стену. К вечеру стало немного легче, по крайней мере, кашель больше не наваливается при каждом неверном движении, свободней дышать.

– Не знаю, – говорит Хёд. – Я ничего не помню.

– Совсем ничего? – удивляется гость. – Да как же так? – он скребет... бороду? Задумчиво. – Впрочем, я-то думал, ты вообще не жилец. А ты очнулся. Никто уже не верил.

– Три месяца? – говорит Хёд.

– Да уж побольше трех, весна на носу. Как зовут-то тебя, помнишь?

– Нет, – Хёд качает головой. – Шельда называет меня Хёд, пусть так.

– Пусть... – соглашается гость. – Я Орфост. Старейшина здесь. Это моя деревня и мой дом, тут дочь моя жила с зятем, но после Фесгарда они ушли... решили, что слишком опасно, а мы с женой остались.

Хёд кивает. Понятно. Значит, Орфост здесь – власть.

– А ты правда совсем слепой, парень? Не видишь меня?

– Правда, – говорит Хёд. – Ничего не вижу.

– И ходить ты не можешь?

– Не могу, – говорит Хёд.

– Слепой и безногий, – Орфост усмехается. – Шельда, и что ты теперь с ним делать будешь?

– Там будет видно, – говорит она. – Хёд хочет уйти.

– Уйти? – искренне удивляется Орфост. – Куда же он мо-

жет уйти?

– Домой, – говорит Шельда.

– Домой? И где же твой дом, парень?

– Не знаю, – говорит Хёд. – Там разберусь. Для начала, надо встать.

Орфост хмыкает, потом тихо, с затаенной издевкой, смеется.

– Что ж, – говорит он, – понимаю. Но уйти ты не сможешь.

Говорит так, словно не «ты не сможешь», а «я не позволю тебе уйти».

– Хочешь скормить меня тварям? – говорит Хёд.

– Что? – Орфост удивлен. Табуретка скрипит под ним, он оборачивается на Шельду. Потом поднимается, подходит к Хёду ближе, наклоняется над ним.

– Скормишь меня тварям? – говорит Хёд. – Скоро весна, придут твари, и лучше отдать им чужого, чем своего. Разве не так?

Тяжелое сопение Орфоста совсем рядом, он наклоняется.

– Для человека, который не помнит своего имени, ты интересно рассуждаешь.

– Я не прав? – говорит Хёд.

Он отлично знает, что жители деревень, рядом с Лесом, часто пытаются задобрить тварей, выставив им одну-две жертвы на откуп. Не всегда помогает, но люди верят. Людям кажется, так они могут отвести беду от себя... Да и Лес... Лес куда больше и его влияние куда сильнее. Лес подчиняет

себе даже тех, кто живет в дне пути от его границ. Достает, опутывает, лишает воли. Люди не могут сопротивляться, защиты нет.

– Ты не сможешь уйти, – говорит Орфост.

Спорить с этим – смешно. Хёд только пожимает плечами.

– Вы ведь не сделаете этого? – тихо говорит Тьяден.

– Что? – Орфост выпрямляется. – Не сделаю? Ты ведь и сам понимаешь, что он прав. Лучше отдать чужого, чем своего. Он все равно... ну... что с него толку? А если не его, то кого тогда? Тебя? Ее? Или, может быть, мне свою жену отдать, своих детей?

– Никого, – напряженно говорит Тьяден.

– Да? Тогда твари придут и сожрут всех нас.

– Сражаться! – говорит Тьяден.

– Парень, – говорит Орфост с долей злой насмешки, – я бы очень советовал тебе молчать. Твой отец сражался. И что? Победил? Твари сожрали его кишки. Всех сожрали. Не стоит тебе... Не мути воду. Смотри, а то отправишься к тварям вместе с ним.

Нораг...

Еще там, в Фесгарде, Хёд не мог понять, откуда в Нораге столько упрямства. Отчего он раз за разом говорит «нет», когда другие готовы сдаться.

Лес ведь не всегда убивает людей, даже тех, кто совсем незащищен перед ним. Он подчиняет, ломает незаметно. Че-

ловек остается жив, жажда крови не касается его, все как обычно... Люди могут жить под властью Леса годами, не подзревая, есть, пить, веселиться, даже рожать детей. Но паутина Леса уже внутри.

Лес делает людей послушными. Чтобы не дергались, не пытались уйти, не сопротивлялись тварям. Хёд видел, как это бывает. В деревнях, которые перешли под протекторат... Когда мать стоит и смотрит, как тварь жрет ее ребенка у нее на глазах. Стоит и... «что ж, такова судьба».

Люди перестают быть людьми.

Лесу это выгодно. Такие послушные куклы хорошо работают, возделывают землю, собирают урожай, разводят скот. Каждый из них может прожить долго. Лордам Леса тоже нужны хлеб и шерсть...

Нораг не хотел.

Он считал, что такая жизнь страшнее, чем смерть от зубов твари.

Что ж, Хёд был согласен с ним.

От влияния Леса Норага надежно защищали чьи-то щиты. Хёд пытался проследить, понять, откуда это берется, но там, в Фесгарде, так и не смог.

А теперь он готов поклясться, что Тьядена эти щиты прикрывают тоже.

Шельда...

Дело ведь в ней? Она ведь не травками лечит людей, про-

сто они не понимают. Она сама из Леса, в ней есть дар. Так кто она? Какая-нибудь мятежная дочь из Белого Дома? Свои счета с Лесом? Что-то еще?

Как узнать?

Не видя магии – не понять.

Сложнее всего Хёду давалась потеря дара. Он готов был смириться с чем угодно, со слепотой, с невозможностью самостоятельно ходить. Даже не просто смириться, а отдать за свободу. Подходящая цена. Разве не об этом он всю жизнь мечтал? Избавиться от Леса внутри себя.

Но магия... это другое.

Магия пронизывала собой весь мир, связывая воедино. Без нее невозможно. Пусть не управлять, но хоть видеть потоки и нити... Хотя что-то...

Эта пустота внутри оглушала.

Как вышло, что Хёд потерял свой дар? Лес выломал из него? Но ведь дар не подвластен Лесу.

Осталось узнать, сохранил ли он защиту сам. Или Лес скоро вернется, а Хёд даже и не поймет. Защищаться теперь нечем.

Глава 2. Эрлин

Если не открывать глаза, можно представить, что он еще рядом. Пока темно, пока совсем тихо, только Бьярни сопит под боком, незаметно перебравшись ночью из своей кровати поближе к Эрлин. Можно представить, что Хёнрир тоже здесь. Эрлин даже кажется, она все еще чувствует на подушке его запах...

Она не верит, и ей все равно, что по этому поводу говорят. Хёнрир жив. Эрлин чувствует это.

В их последнюю встречу все вышло не так...

Тогда казалось – ей вообще не стоило приезжать, стоило подождать немного... дома все было бы проще. Но если бы Эрлин не приехала... последняя встреча.

Военный лагерь у Фесгарда, конец осени. Уже перед самым взятием, после долгой осады, когда все устали, когда силы и без того на пределе... короткий пасмурный день и темная ночь...

Когда Эрлин приехала, Хёнрир только вернулся из какой-то вылазки со своими людьми, вымотавшийся и злой, засохшая кровь в волосах.

Так хотелось броситься к нему на шею. Эрлин так скучала.

– Не подходи, – сказал он. – Эрлин, прости... не обижайся, но не подходи сейчас ко мне. Хорошо? Я закончу все дела,

и приду сам. Отдохни.

Это очень больно, но она понимала. Уже слишком давно, слишком хорошо знала Хёнрира, чтобы все понимать правильно. Вокруг война, и он боится, что не сможет вовремя справиться с собой. Боится, что зов Леса окажется сильнее, что страсть и голод возьмут верх, он сделает ей больно, не успеет опомниться. Он говорит ей это не потому, что не хочет, не потому, что не скучал по ней, и ему не все равно. Он просто за нее боится. Лес слишком глубоко пророс в нем.

Она ушла в его палатку и принялась ждать.

У него там какой-то очередной военный совет. И, судя по крикам и ругани, доносившимся даже сюда, это тоже не прибавляло душевного равновесия.

Эрлин ждала.

Потом крики стихли, сиятельные лесные лорды разошлись... Тишина. Потом пьяные солдатские песни откуда-то издалека.

Хёнрира не было.

И идти, искать его – тоже нельзя.

Потом стихли и песни.

Небольшой очаг, поленья потрескивали... иначе поздний осенних холод пробирал до костей. Эрлин сидела, обхватив колени руками, смотрела на огонь.

Хёнрир пришел далеко за полночь. Долго стоял на пороге, замерев, словно размышляя, а не сбежать ли назад. Эрлин не торопила, не пыталась подойти сама.

И сразу видно, что никаких песен у костра он со своими людьми не пел, и не пил, и...

Он облизал губы.

Взъерошенный, напряженный, круги под глазами.

– Мне не стоило приезжать, да? – осторожно спросила Эрлин.

Он тяжело выдохнул, зажмурился, покачал головой.

– Я очень рад тебе.

Безумно искренне. «Ты мне очень нужна».

Она встала, сделала шаг.

Он подошел сам, обнял, прижал ее к себе.

Она слышала, как отчаянно колотится его сердце. Как он почти перестал дышать, пытаясь справиться. Каким нестерпимым огнем вспыхнули его щиты... до боли, что чувствовала даже она. Хёнрир из последних сил пытался отгородиться от Леса, который жаждал крови и удовольствий, который готов был разом сорвать с Эрлин все... и ее саму разорвать на части. Стоит хоть немного забыться – и конец.

Он сжал зубы до хруста.

Потом вдруг резко оттолкнул ее, едва не отскочил в сторону... отошел. Отвернулся, оперся ладонями о тяжелый дубовый стол, навалившись... и вдох-выдох... тяжело дышал, зажмурившись.

– Прости, – сказал хрипло. – Я очень скучал по тебе. Я очень люблю тебя, Эрлин. Но сейчас... не могу, – он выпрямился, стараясь даже не смотреть на нее. – Ты ужинала? Нет?

Давай я сейчас найду что-нибудь, мы посидим... Ты расскажешь мне, как там дела, как Бьярни, как ты сама. Хорошо?

Почти отчаянье.

Отвлечься. Поговорить.

Он ушел куда-то, потом вернулся, принес хлеба, немного холодного мяса и сыра, пару яблок. И кувшинчик ягодного морса заодно, вина Хёнрир давно не пил.

Поставил на стол.

Сам порезал, разложил все... ему нужно было немного времени... и только потом снова посмотрел на Эрлин. Неуверенно улыбнулся.

– Прости.

Они сидели, говорили... это было хорошо, но... Так хотелось большего. То есть, конечно, и разговоров тоже, ей так многое хотелось рассказать, так о многом спросить у него. И все же, невозможность сделать шаг ближе – тянула и не давала покоя.

И даже сделав этот шаг...

Потом, до утра, они лежали в постели. Обнявшись. Тихо разговаривая. Эрлин даже пошевелиться боялась, потому, что случайно, чуть забывшись, она прижалась теснее, проведя ладошкой по его груди... и он так напрягся, мгновенно, все мышцы напряглись. Огнем обожгли щиты, резко вскинувшись. Лес учуял ее и Хёнриру стоило огромных усилий заставить Лес замолчать, загнать его подальше.

Осторожно.

Потом...

Еще немного, Хёнрир вернется домой, и там все будет проще. Как было... когда ему еще хватало сил обнять и поцеловать ее, не боясь сорваться. Сейчас Лес получит свое, насытится, его голод уляжется до поры и не будет с такой силой давить. А пока, когда Лес чувствует, что его добыча так близка, что вот-вот прольется кровь – сопротивляться ему почти невозможно. Кровь так кружит голову.

Еще немного. Ее муж вернется домой... Все будет как прежде.

И вот, лежа рядом, уткнувшись носом куда-то ему в подмышку, обняв, прижавшись... Эрлин не могла не думать, сколько времени у них еще осталось, прежде, чем Лес заберет его полностью. Прежде, чем сопротивляться будет совсем невозможно. Год? Два? Несколько месяцев?

Они так и не смогли уснуть.

Хёнрир встал перед рассветом, оделся и ушел куда-то к крепости. У него там переговоры... и ждет какой-то комендант. Хёнрир требует сдать крепость, а комендант стреляет в него из арбалета. Пока еще ни разу не попал.

Еще немного...

Хёнрир ушел, а она... уехала. Невозможно. Такие встречи хуже, чем пытка.

* * *

– Готова? – Свелыг ждет ее у дверей, улыбается. – Идем. Она не боится... только чуть-чуть.

И удивительно, как Свелыг изменился за этот год. Повзрослел... возмужал. Хёнрир говорил, что ритуал пойдет ему на пользу. Хотя, скорее всего, не сам ритуал, а то, что было потом, когда нужно было действовать, не отворачиваясь, не имея право уйти в сторону. Не боясь отвечать.

Почти все лето и осень он провел в Мирте, где строится новый замок, и с Хёнриром на войне. Зимой вернулся сюда, по снегу сложнее вести строительство. Весной начнут снова.

Он изменился, отпустил бороду, словно стараясь казаться старше. Даже голос стал другим, уверенней и жестче, теперь Свелыг без сомнений раздает указания. Он...

Но больше всего... нет, даже не удивляет... подкупает то, что Свелыг все чаще начал заходить к Бьярни. Стал играть с ним, рассказывать ему сказки, брать на прогулки. Бьярни так ждал его, радовался... любил. Папа. Свелыг его отец, и с этим ничего не сделать.

Иногда пробирала ревность. До слез. Эрлин понимала, что нельзя мешать ему, что все правильно. Но ведь когда Бьярни родился...

Только дело даже не в Бьярни. Дело в том, что Свелыг все время пытался оказаться рядом. А Бьярни такой хороший повод. Немного страшно представить, что ее сын... их сын, может быть всего лишь инструмент, чтобы произвести на Эрлин впечатление.

Сейчас мало кто верит уже, что Хёнрир может вернуться. Он пропал и его не нашли.

Но если жив, то как мог исчезнуть, ничего не сказав? Предатель?

Что могло случиться?

«Ты должны быть сильной, Эрлин. Ты должна посмотреть правде в глаза», – кто только ни говорил ей такое. Свельг говорил. «Я всегда любил его, восхищался им, надеялся хоть немного стать похожим на него... Но Эрлин, надо жить дальше».

Нет, Свельг не делал ничего такого, не пытался приставать к ней, не делал никаких намеков. Он вел себя с Эрлин, скорее, как с сестрой, по-дружески. Ей не в чем его упрекнуть. Он даже успел сменить пару мимолетных любовниц за это время. Девушки любили Свельга, он так красив, внимателен, нежен... Ему не нужно из последних сил давить в себе тварь, чтобы просто поцеловать. Ему это ничего не стоит.

А Эрлин? «Ты до сих пор не можешь простить?»

Ей уже говорили – она бросила Свельга от обиды, желая ему отомстить, да, ей нужна была защита, и Хёнрир мог защитить надежней всего. Это понятно... И даже как-то одна пожилая благообразная дама поделилась, что Эрлин черствая и расчетливая сука, ведь мальчик так страдает!

Мальчик – это Свельг. А Хёнрир? Хёнрир... разве Эрлин не видит? Лес забрал его. Эту тварь давно пора было забрать.

И еще было немного страшно, что если Эрлин вдруг снова

отвернется от Свелъга, что если он, наконец, попросит, когда срок законного траура закончится, а Эрлин откажет, то Свелъг и к сыну снова потеряет интерес. Страшно, что делает это он не для Бьярни, а для нее... и то безразличие едва уловимо...

Фантазии? Обида?

Нельзя так думать?

«Не обижайся, – говорил Свелъг тут на днях, когда они сидели у камина, а Бьярни возился рядом. – Я был не готов, я не понимал, что делать с этим... боялся. Не мог принять, пожалуй, так же, как Хель долго не могла принять Хёнрира. Но теперь все изменилось. Я принял и полюбил его, он хороший мальчик... пусть даже и с одной рукой».

«Пусть даже». Это задевало.

В том, что случилось – вины Бьярни нет, есть ее вина и Свелъга, поровну.

Пусть даже Свелъг отказался помогать тогда, когда он был нужен. Пусть...

Хёнрир говорил – все можно будет поправить, но лучше подождать, пока Бьярни чуть подрастет, пока начнет управляться с потоками сам, или хоть сможет понимать, что для этого нужно делать. Лучше всего опираться на силу его собственного дара. Еще лучше, если он сможет сделать это сам. Ничего невозможного.

Нет, Эрлин бы такое не смогла.

Но силы Хёнрира хватило бы и не на такое.

Свельг у ее дверей.

– Идем, – говорит Свельг. – Как ты? Готова?

Готова. И сегодня она сделает это.

Пока не ритуал. Но сегодня она убьет тварь.

Пусть под присмотром Хель, и Хель тварь придержит, подстрахует, не даст напасть. Пусть на арене все будет совсем иначе, но это важный шаг. Совсем скоро...

Но все равно, сегодня Эрлин выйдет с тварью лицом к лицу.

– Боишься? – Свельг улыбается.

– Нет, – говорит Эрлин. Нельзя бояться.

Эрлин тренировалась все это время, и уверена в себе. Ей далеко до Хель, конечно. И даже до Свельга ей далеко. Свельг сколько угодно может выглядеть смазливой мальчишкой, но у него реальный боевой опыт, он мужчина, в конце концов, он тренировался с самого детства, он сильнее.

Но Эрлин сможет.

– Зачем тебе это? – говорит Свельг. – Если пройдешь ритуал, то тебе придется весной ехать вместе с Хель на охоту, на Адаровы холмы. Тебе хочется крови? Хочется убивать? Весной... и потом придется еще не раз. Кроме обязанности сражаться, тебе этот ритуал ничего не даст. А если откажешься, Хель не станет принуждать тебя ни к чему.

Сложный вопрос.

Вначале, Эрлин была уверена, что знает ответ. Но чем

дальше... Свельг прав.

И все же.

Когда она однажды заговорила об этом с Хель, та лишь покачала головой. «Дело твое. Но я ни разу не пожалела».

Проходя ритуал – получаешь обязанностей больше, чем прав. Но это того стоит. Кто знает, когда голос Эрлин может стать решающим.

Она сделает это.

– Я так решила, – говорит она. – Мне это необходимо.

– Воительница! – довольно, почти с восхищением и легкой иронией говорит Свельг, и так, невзначай, касается ее руки. – Еще немного, и я буду тебя бояться.

– Бойся, – соглашается Эрлин.

Убирает руку, кладет на рукоять меча – тоже словно бы невзначай. Она одета по-мужски, и оружие теперь носит с собой. Она заслужила это право.

И там, где-то глубоко внутри, Эрлин отлично это понимает: ей нужны не права, не голос в Совете, не возможность решать за себя самой. Ей хочется, чтобы ее муж ей гордился. Хочется быть достойной его.

Глава 3. Шельда

С самого утра Хёд пытается вставать с таким остервенелым упрямством, что становится страшно. Падая, вставая и снова падая. Не заботясь об осторожности. Пытаясь держаться за стену, хоть за что-нибудь, неуклюже прыгая на одной ноге. Разбив нос в кровь, разбив бровь, едва не сломав руку. Сколько раз бьется боком о кровать, все ребра, должно быть, отбил. А ведь сейчас он не может сам залечивать раны, сейчас он может не больше, чем обычный человек.

Так упрямо, что кажется – не чувствует ни боли, ни усталости.

Чувствует, конечно. Когда, в очередной раз, нога подворачивается, и он падает, то долго сидит на полу, обхватив колено руками, шипя сквозь зубы. Больно... Когда пытается встать и не может, пытается поползти до кровати, подтянуться на руках... обливаясь потом. Ему тяжело.

Ему плевать, насколько жалко он выглядит.

Вообще на все плевать, кроме своей цели.

Облизывает пересохшие губы, тяжело дышит, и поднимается снова.

Он ни о чем не попросит – ни воды, ни еды, хотя утром Шельда дала ему только кружку молока. Он выпил все до дна одним глотком и ждал, явно ждал, что ему дадут что-то еще. Но Шельда сделала вид, что больше ничего не надо.

Она ничего не сказала, и он попросил. Хотя Тяден, прямо рядом с ним, плотно поел каши и вчерашнего пирога. Тяден спросил – а не нужно ли Хёду. Шельда сказала, что даст чуть позже... уже полдень, а она...

Хёд умрет, но не попросит.

Гордость? Он понимает... да, наверняка понимает чувства Шельды к нему. Не может не понимать. Ее ненависть. И гордость не позволяет просить у нее помощи.

Надолго ли его гордости хватит?

И все же, силы он восстанавливает слишком быстро. Для человека, который очнулся два дня назад и больше трех месяцев пролежал без сознания, Хёд удивительно силен. И упрям. Невероятно.

Но издеваться над ним, морить голодом – слишком мелко.

– Хёд, – зовет она, – принести тебе воды?

– Да, – говорит он. – Спасибо.

Что в нем не так?

Шельда приносит, ставит на табуретку рядом, а он не может взять, не расплескав, потому что от напряжения и усталости трясутся руки. Он пьет так, с табуретки, почти вцепившись в край зубами, придерживая, стараясь не поднимать, стоя на коленях. Да, ему плевать, как это может смотреться со стороны.

И долго сидит потом, собираясь с силами.

– Может быть, принести чего-то еще? – спрашивает Шель-

да. Ей интересно, что он ответит. Если он попросит, она накормит его.

Хёд поворачивает к ней лицо и, кажется, что долго смотрит. Потом ухмыляется, так самодовольно, что с новой силой вспыхивает злость.

– Не стоит, Шельда. Больше ничего.

Интересно, он знает, как выглядит сейчас? Что правый глаз закрыт мутным бельмом, зрачок неприятно дергается и косит в сторону. Левого глаза нет совсем, пустая открытая глазница, и бровь над ней, и скула – криво скошены, словно продавлены и смяты. Чуть в сторону свернут нос. Косматая черная борода и такие же косматые, торчащие в разные стороны, волосы. Тощий до крайности. Рубашка мешком висит на костлявых плечах, лопатки выпирают даже сквозь рубашку. Только руки огромные... ладони втрое больше, чем у Шельды, пожалуй, стоит Хёду чуть прийти в себя, и силы в таких руках будет достаточно, чтобы свернуть ей шею.

Еще ухмылка... словно чужая на таком лице, невозможная.

Шельда забирает кружку.

А он, стиснув зубы, поднимается. Вот так, держась за табуретку двумя руками, выпрямляя правую ногу. Красный от усилий. Стоит, пытаясь отдышаться.

Потом понемногу, громыхая, сдвигает табуретку в сторону. И чуть сдвигается сам, перетаскивая ногу следом. Сдвигает табуретку снова и, опираясь руками, прыгает вслед за

ней. Дышит. Поднимает к Шельде лицо.

Шаг, еще шаг. Пусть так, пусть с табуреткой, безумно медленно, но он нашел способ двигаться.

Довольный. Пот течет по лицу, но он такой довольный.

Подтягивается ближе, неуклюже переворачивается, садится на табуретку, чуть не падая, но удержаться ему удается.

– Как думаешь, Шельда, – говорит он. – Смогу я с этой табуреткой уйти от тебя?

И весело ржет.

– И куда ты пойдешь?

– Мир большой, – говорит он. – Мало ли дорог?

– По снегу, босиком и в одной рубашке? – говорит она.

– Это все ерунда, – говорит он. – Я и по снегу могу.

Так уверенно, что даже сомнений не остается.

– Ты никуда не уйдешь, – говорит она.

Хочет не так, а спокойней, мягче, но выходит почти зло. Угроза выходит.

Он ухмыляется

– Ты тоже собираешься скормить меня тварям? Или у тебя другие планы?

Это почти игра: «я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Но никто из них двоих пока не собирается признаваться. Игра.

– Другие, – говорит она.

– Хорошо, – беспечно говорит он. – В мои планы тоже не входит быть съеденным.

Отдыхает.

Не стоило... Шельда смотрит на него и пытается понять, как это вышло.

Ее планы... смешно. Нет у нее никаких планов. Так вышло.

Не стоило забирать его домой, проще было добить. В чем же дело?

Все что угодно, но на беспомощного калеку Хёд точно не похож. Он просто пытается жить, используя все, что у него есть, что осталось, не оглядываясь на то, чего лишился. Без страха, без сожалений.

Это невероятно.

А потом, когда время обеда и Тяден прибегает в дом, Хёд тоже, серьезно и сосредоточенно, шаг за шагом, переставляет свою табуретку ближе к столу. Отыскав на звук и на ощупь, упершись в угол стола, в край, садится, невероятно довольный собой. Совсем недвусмысленно намекая, что он пришел обедать тоже.

– Ого! Ну, ты даешь! – Тяден радуется его успехам совершенно по-детски. – Дошел! Сам! Шельда, он смог сам! Будешь с нами обедать?!

Ладно, пусть так. Возможно, это правильно.

И Хёду достается большая тарелка горячего рагу с потрохами, ломоть хлеба и два вареных яйца. Надо отдать должное, ест он как благородный лорд – без суеты, не спеша, с

достоинством, даже и не скажешь, что голодный. И все же – аккуратно подбирая хлебом остатки рагу из тарелки, до капли, не оставив ничего.

– Очень вкусно, Шельда. Спасибо, – говорит он.

И даже сомнений не остается – завтра он с этой табуреткой и на улицу сможет выбраться, пусть и босой.

* * *

Еще днем Шельда почувствовала, что они пришли.

Еще до того, как услышала голоса, до того, как началась суета, как соседка прибежала, охая: «Шельда! Шельда! А ты видела? Ты видела, что делается? Там же солдаты пришли! Из самого Йорлинга, из Альтана! Что же будет-то?!»

Не видела еще, да и не солдаты это. Резни здесь не будет, никого не тронут... по крайней мере, Шельда очень надеется, что не будет резни. Если только Хёд... Хёнрир, не выкинет чего-нибудь...

Стоило добить его, а не возиться.

Стоило уехать самой. Теперь, после смерти Норага, ее здесь ничего не держит. Да, стоило уехать. Может быть, даже из Йорлинга совсем, в Барсу, к теплomu морю... взять Тяндена с собой.

Но что-то остановило. Нельзя бегать вечно.

– Шельда, а там эта... – соседка нервно мнется, никто из них так и не научился с Шельдой запросто, она, вроде бы,

своя, и чужая сразу, — командир их, белобрысый такой... он про лекаря спрашивал. Так я сказала, что ты. Он зайдет вечером.

Лекарь им нужен...

— Хорошо, — говорит Шельда. — Пусть заходит.

Так даже лучше. Зайдет, они поговорят. Командир, значит должен подробности знать.

Сама Шельда никуда не пойдет, у нее и так хватает дел.

— Там солдаты Йорлинга! — с порога кричит Тьяден, возвращаясь вечером.

Взъерошенный, глаза горят. Как же, такие чудеса! И что могло солдатам понадобиться в этой дыре? Только не дыра ведь. Если верхом, то меньше дня пути до Фесгарда, а Краснокаменка, что за холмом, вполне еще судоходна для плоскодонных судов. Это выше по течению, уходя в Лес, она становится мелким ручейком. Краснокаменка впадает в Оллу, а по той до Тиарка а можно добраться. Золотой Тиарк — крупный порт Йорлинга.

Формально, эти земли уже отошли Лесу, только Лес сюда еще не вполне пророс, но Шельда уже отчетливо чувствует его под ногами. И Лес берет дань.

Ей не стоило оставаться до весны.

— И что же им нужно, этим солдатам? — спрашивает Шельда.

— Пристань будут строить на речке! — говорит Тьяден, ни

капли не сомневаясь.

Пристань... все может быть. Сначала эти, потом другие... снег скоро сойдет. Здесь снег рано сходит, стоит только первому весеннему солнцу пригреть.

– Им два дома дали! – делится Тьяден, – один, что пустой стоял, Угрета, а другой, где старый Ман живет, он сразу сказал, что возьмет постояльцев, если по хозяйству помогут. Хотели еще к Эйдуноу, но у него внучка...

Тьяден смущенно замолкает, мнется. Хотя, чего уж, и так понятно, что имперских солдат... даже если просто солдат, в дом, где молодая девушка, жить пускать не стоит.

– Сколько их? – спрашивает Шельда.

– Двадцать, – говорит Тьяден. – И командир еще. Только Шельда... если это солдаты, то почему без оружия? Только у командира оружие есть, у остальных ничего. И никто ведь внимание на это не обращает. Я спрашивал, они плечамижимают.

– И ты не обращай, – говорит Шельда строго. – Потом сам узнаешь.

Вечер, почти ночь. Стемнело давно, Тьяден забрался спать, а Шельда ждет. Придет этот командир? Что-то подсказывает, что он ночи дожидается, не хочет на виду у всех.

Хёд бросил бродить по дому, успев за день исследовать комнату по периметру, вылезти на кухню, сунуть нос в очаг и полки с посудой. Нашел чайник, нашел ведерко с чистой

водой и кружку рядом. Долгопил. Пытался и на улицу сунуться, но Шельда не пустила. Хватит. Ступеньки на крыльце высокие, шею еще свернет. Он спорить не стал. К ночи забрался в кровать...

А Шельда сидит, вяжет шерстяные носки, надо же чем-то себя занять.

Легкий шорох из-за двери. Ее новый гость поднимается по ступенькам, и долго стоит, привалившись к стене. Потом только стучит.

– Хозяйка?!

– Открыто. Заходи, – отзывается Шельда.

Бояться ей нечего.

А он... тот человек, он тяжело дышит.

Заходит, останавливается у дверей.

– Добрый вечер, хозяйка, – говорит он чуть хрипло. – Мне сказали, ты травница.

Ему около тридцати, крепкий, среднего роста... волосы светлые, да. Солдат – сразу видно... даже не вольный наемник, а именно солдат, и выправка и взгляд... Темные круги под глазами.

– Так и есть, – Шельда встает. – Тебе нужна моя помощь?

– И раны лечишь? – говорит он.

А сам едва на ногах стоит.

– Лечу, – говорит Шельда. – Не стой в дверях, заходи, иди к свету. Я посмотрю.

Он еще мнется неуверенно, словно у него есть выбор.

Только если не она... нет, помереть он, конечно, к утру не помрет, но вот встать уже скоро не сможет.

Шельда берет еще одну масляную лампу, зажигает, ставит на стол.

– Сюда, – говорит она.

Человек подходит.

– У меня... плечо, – говорит он, и замолкает, желваки дергаются.

– Снимай рубашку, я посмотрю, – говорит Шельда.

Он снимает теплый шерстяной плащ, и дубленую кожаную куртку со стальными пластинами, но куртку уже с трудом, видно, как ему даже повернуться тяжело. С левого плеча почти стряхивает, роняет на пол, только со второй попытки наклоняется, держась за лавку, поднимает. Сдавленно шипит, стиснув зубы.

А дальше под курткой все совсем плохо. Перевязано прямо поверх рубашки, замотано кое-как, и что-то, вроде, подоткнуто снизу. Он пытается размотать и снять, только кровь присохла, не отдирается. И ему не достать.

– Сам перевязывал? – спрашивает Шельда.

– Сам.

– Не дергай, я тебе помогу. Сядь.

Он бросает на нее взгляд... какой-то затравленный, но не спорит.

Шельда может аккуратно... иначе, но не стоит делать это явно. Повязку, намотанную сверху она отдирает с треском,

не обращая внимания на то, как он морщится и сопит. Ничего. Уж это переживет как-нибудь.

– Рубашку твою надо постирать. Есть еще одна? Нет? Я тебе дам. А эту у меня завтра заберешь.

Он послушно кивает.

У него жар... шея горячая. Разматывая, Шельда дотрагивается пальцами... Широкая крепкая шея, покрытая веснушками и короткими светлыми волосами сзади... Мокрая от пота. Как он вообще еще на ногах стоит?

– А что с тобой случилось – не мое дело, да?

Он только качает головой, вздыхает.

– Ладно, – говорит Шельда. – Будем считать, что не мое.

Она и так понимает.

Он молчит.

– Как тебя зовут? – спрашивает Шельда.

Он чуть оборачивается к ней.

– Эван О’Миллан.

– Эван, – говорит она. – А я Шельда. Рубашку надо снять. Сам сможешь?

Он пытается снять, но одной рукой тяжело, а вторая не поднимается. Он сопит, стиснув зубы, морщится... а потом вдруг начинает кашлять так, что на губах выступает кровь, и вытирает рукавом. Старается отдышаться.

– Я сейчас... – говорит хрипло.

Рана у него под лопаткой, и пробито легкое. Чудо, что не

в сердце.

Шельда молча помогает, берет, стаскивает с него рубашку, не слишком-то церемонясь и заботясь об аккуратности, отдирая присохшее, заставляя поднять руку. Он шипит и сдавленно матерится сквозь зубы, ему больно, но сил как-то сопротивляться нет. Что ж, сострадание к раненым Шельда растеряла слишком давно. Она вылечит его, и этого достаточно.

Эван шумно втягивает воздух, потом долго сидит, закрыв глаза, пережидая. Только лицо белеет еще больше.

А камешек-то не на шее... не на цепочке, как Шельда вначале подумала. Синий камешек адамак вживлен прямо в кость, в грудину, под кожей, и успел пустить корни. Обратного пути нет? Маленький шрам едва заметен, тем более что грудь у Эвана волосатая... и грудь и руки, руки особенно – шерсть, словно у твари. Шрамы на руках... все сплошь. Плечи крепкие, привыкшие к тяжести имперского пехотного панциря, и характерная старая сухая мозоль под подбородком – от шлема. Солдат. За что его?

К ране, под повязкой, подложена тряпка. Повязку Шельда сняла, а тряпка осталась, присохла, едва не закаменела от засохшей крови, пропитавшей все насквозь. Отдирать только с кожей... Ладно, Шельда пожалеет немного. Она прикладывает ладонь, и тряпка отходит сама... только немного дергает, а то ведь человек не поймет. Люди с большим недоверием относятся к магии, поэтому Шельда делает вид, что магии

нет.

Идет на кухню, берет тазик с водой – промыть немного.

Вокруг раны все потемнело, виден гной.

– Давно это? – спрашивает Шельда.

– Три дня, – говорит он.

– Три дня, и ты еще на ногах?

Крепкий парень.

– А разве у меня есть выбор? – говорит он. Почти со злостью. Понятно, что выбора у него нет. – Я все понимаю, – говорит он еще, голос звучит глухо, – но мне бы еще две недели продержаться. Как думаешь, я протяну?

– Две недели? – говорит Шельда. – А потом?

Он поднимает на нее глаза. Молчит, поджав губы. Глаза у него светло-голубые... и такая тоска...

– Потом за вами придут? – говорит Шельда.

Он скрипит зубами, стискивает до хруста, сжимает пальцы в кулак... отворачивается.

– Ты знаешь? – говорит он. – Зачем тогда спрашиваешь?

– Я только догадываюсь, – говорит Шельда.

Смывает с его спины кровь, чистит рану. Он чуть вздрагивает от ее прикосновений, шумно дышит, но молчит, только морщится.

– И тебя тоже? – спрашивает Шельда.

Он почти беззвучно бормочет какие-то ругательства.

– Какая разница? – говори вслух.

Шельда пожимает плечами.

– Если тоже, то какой смысл возиться с тобой? – говорит она. – Может, проще сразу?

Он поворачивается к ней резко, так, что видно прямо – темнеет в глазах. Даже пытается встать.

Шумно втягивает воздух.

– Сиди, – говорит Шельда, – не дергайся.

– Если я сдохну, – зло говорит Эван, – они разбегутся. Сделки не будет.

– Тебе это важно?

Он молчит, словно собираясь с силами. Шельда ждет.

– А у меня семья, – говорит Эван, наконец. Как-то устало и обреченно. Отворачивается снова.

– Понятно, – говорит Шельда. И словно ноющая пустота отзывается в груди. – Неделю ты продержишься. И даже больше, если надо. Я помогу тебе. Только сегодня нужно хорошенько поспать.

Он фыркает скептически, сразу ясно, что хороший крепкий сон – не для него, не может позволить себе такой роскоши.

Сказать, что сегодня он может спать, никто не тронет? Не поверит. Захочет знать почему.

Шельда промывает рану, потом делает компресс из толченой вербены – не повредит, пусть думает, что от компресса ему легче стало. Перевязывает. Потом делает чай с мятой и зверобоем. Трав у Шельды много, она у ведьмы одной в соседней деревне купила... ну, как ведьмы... та травница на-

стоящая, разбирается, что и как, какую травку когда собирать, как сушить, как пить и куда прикладывать. А Шельда – по-своему. Но с травами – надежнее.

Эван пьет мелкими глотками, осторожно дует – горячий.

– Не торопись, – говорит Шельда. – Я пока тебе рубашку найду. Мне тут давали для Хёда, и тебе, может, подойдет. Завтра вечером зайдешь, заберешь свою. Заодно я посмотрю, как у тебя рана, перевяжу.

Он кивает, наблюдает за ней, пьет свой чай.

Потом встает, когда Шельда приносит рубашку.

– Спасибо, – говорит очень искренне. – Могу я как-то отблагодарить тебя? Денег... или что-то сделать для тебя?

– Сделать? – удивляется Шельда. – Ты на ногах едва стоишь.

– Ты скажи... если надо.

Он делает.

Шельда смотрит на него... это так странно, пожалуй...

– Давай, немного придешь в себя, и мы обсудим.

Он, молча, кивает. Одеваться Шельда не помогает, он справляется сам. Она и так сделала достаточно, убрала воспаление, приглушила боль, помогла ране немного затянуться. Заживлять все сразу не стоит, возникнут вопросы... и так возникнут, наверняка. Но пока можно убедить в целебной силе трав.

Рубашка ему велика, на Хёда, тот куда выше и шире в плечах, руки длиннее... но ничего. Зато чистая.

– Завтра заходи, – говорит Шельда.

Стоит Эвану выйти за дверь, как вылезает Тяден из своего угла.

– Шельда? – он выглядит чуть смущенным, потому что почти подслушивал, хотя Шельда и не пыталась ничего скрывать. – А что с ним такое? Кто они вообще?

Немного смущенным и страшно любопытным он выглядит.

Тяден и так знает многое, и рано или поздно от него вообще ничего не скрыть.

– Каторжники они, – говорит Шельда. – Дезертиры, убийцы... не знаю. Йорлинг платит дань Лесу, их скормят тварям.

Тяден напрягается, хмурится. Пытается понять, как такое возможно.

– Скормят тварям? И они... ну, они пришли сюда сами? Они понимают?

– У Йорлинга своя магия, – говорит Шельда. – У этих людей нет выбора. Этот Эван привел их, он держит их на привязи, как Лес держит своих тварей. Крепко, что не вырваться.

– За это его пытались убить?

За это... Шельда кивает. И будут пытаться снова.

* * *

Хёд молчит, ничего не говоря о вечернем госте, пока утром, после завтрака не уходит Тьяден. И то...

– Помочь? – первым делом предлагает он. – Я могу посуду помыть.

– Посуду? – удивляется Шельда. – Как?

– Ну, не знаю, – говорит он. – Попробую как-нибудь. На ощупь. Этот Эван прав, за помощь нужно платить. Думаю, с посудой я справлюсь.

– Эван? Ты все слышал?

– Я слепой, но не глухой пока. Каторжники... Значит, Лес придет сюда. Скоро?

Он очень внимательно смотрит на нее... то есть не смотрит, но это выглядит именно так. Его глаза закрыты, но лицо повернуто в ее сторону, очень точно... на звук?

Это... Шельда делает несколько шагов в сторону, и он поворачивается за ней.

– Думаешь, что они заберут тебя?

– Не знаю, – Хёд пожимает плечами. – Возможно. Но прежде мне еще хочется кое в чем разобраться.

– В чем же? – говорит Шельда. Отходит к окну, и Хёд поворачивается за ней.

– Хм... – говорит он. – Например, в том, что я здесь делаю.

– Тебя нашли в Красной Пади, полумертвого, – говорит она. – У Оддни овца убежала, они пошли искать ее, а нашли тебя. При чем тут я?

– Ты чисто случайно оказалась рядом? Дочь... или жена?

Кто ты? Жена Норага?

– Какое тебе дело?! – говорит она.

Он снова пожимает плечами. Поднимается... Быстро. Он слишком быстро успел окрепнуть, и теперь это дается ему без видимых усилий. Ходить не может, но спокойно стоять на одной ноге, держась за стол – может вполне.

– Так что там с посудой? – говорит он.

– Пошли, – говорит Шельда.

Собирает со стола, несет на кухню. Хёд со своей табуреткой идет за ней. Осторожно, вначале выставляя руку вперед, пытаясь понять, нет ли какой преграды, и лишь потом переставляя табуретку. Нет, он не видит, дело не в зрении.

– Сюда, – зовет его.

Он подходит к столу, куда показывает Шельда, где стоит таз с водой. Подставляет табуретку под левое колено – на колено он опереться может. «Показывай».

Шельда берет его за руку, объясняет.

– Вот мыло, – говорит она, – берешь вот здесь, только аккуратно, не разбей. Вот здесь мочалка. Оттираешь. Сначала кружки, потом тарелки, потом кастрюлю. Смываешь. Кастрюлю надо особенно хорошо потереть, чтобы на стенках ничего не осталось. Ставишь сюда. Когда закончишь, скажешь мне, я принесу чистой воды, сполоснуть.

– Хорошо.

Он берет осторожно, сначала ошупывая, изучая... пробуя. Вряд ли хоть раз ему доводилось мыть посуду самому. Он

лорд. Но сейчас это неважно. Медленно... Шельда могла бы сделать в пять раз быстрее, но она не торопит, ей интересно наблюдать.

– У тебя неплохо получается, – говорит она.

Он поворачивается к ней.

– Да? Я могу делать это постоянно.

– Зачем? Ты чувствуешь себя обязанным мне?

Он ухмыляется.

– А не должен? – моет тарелку, ставит. – Нет, Шельда, дело даже не в этом. Мне нужно что-то делать... наверно, просто почувствовать, что еще хоть на что-то способен самостоятельно. Что могу обходиться и сам. Иначе сойду с ума.

Так просто и так честно, что это подкупает.

– Тебя пугает беспомощность? – говорит она.

Он фыркает.

– Пугает, – соглашается спокойно. – Хотя, возможно, то, что случилось со мной – как раз благо, а не трагедия.

– Благо? – удивляется она. – Потерять все?

– Шельда, ты ведь знаешь кто я, правда? А ты представляешь, что такое всю жизнь, день за днем, ночь за ночью, год за годом – пытаться строить оборону против Леса, который уже внутри тебя и пожирает постоянно? Когда стоит хоть на мгновение зазеваться, и будет поздно, и окончательно потеряешь свой разум и душу, ничего не останется. Иногда не понимаешь, где брать силы, но... приходится где-то брать, нет выбора. И даже умереть, чтобы закончить, наконец, все

это, ты не можешь. А теперь... свобода. Ты даже не можешь представить, какое счастье: взять и завалиться спать, не про-
веряя защиту, не выставляя свежие щиты и сигнальные ма-
ячки. Просто лечь и уснуть. Это чудо, Шельда. И ни о чем не
думать. И твердо знать, что никого не сможешь убить, если
тебя разбудят как-то не так.

Хёд криво ухмыляется.

Потом сжимает зубы.

И все же, такая свобода – не самое очевидное благо для
него.

Он говорит и сосредоточенно оттирает миски, смывает
жир.

Она смотрит...

Что-то в этом...

– «И даже умереть не можешь?» – переспрашивает она.

Он вздыхает.

– Лес может залечить любые раны. Когда Леса в тебе
слишком много, справиться можно только как с тварью –
срубить голову или сжечь. Но рубить голову самому себе...
сложновато. А просить... Я как-то обращался с этим к Хель,
она отказалась. Просить кого-то из... хм... тех людей, кото-
рые тебе подчиняются, это не совсем правильно.

Он поджимает губы.

Молчит. Чистит очередную тарелку.

«Обращался с этим к Хель?»

И Шельда молчит.

– Скажи, Шельда, – говорит он вдруг, – я ведь именно поэтому жив? Ты пожалела меня? Решила, что все, что сделал – не я сам, что Лес заставил?

Пожалуй... Только Шельда не готова к таким откровениям.

А он смотрит на нее.

– Ты меня видишь? – вместо ответа, спрашивает она.

– Нет, – он качает головой. – Я тебя чувствую. Сначала мне казалось, что сила совсем ушла, но... теперь я чувствую тебя. Твою магию. Впервые я понял это вчера, когда ты лечила того человека. Уловил всплеск. Ты ведь одна из нас?

Шельда молчит.

Нет... она не готова.

И она не обязана ничего объяснять ему. Слишком много объяснять придется.

Он заканчивает с тарелками, берется за кастрюлю.

Что будет, если сила в нем восстановится? Если это произойдет быстро?

– Ты ведь знала заранее, Шельда, что эти люди придут? Знала кто они и зачем? Откуда?

Знала.

Она молчит.

– Ты ненавидишь меня? – спрашивает Хёд.

– Да, – говорит она. – Я тебя ненавижу.

– За то, что убил Норага?

– За все, что ты сделал.

Он кивает, так с пониманием.

– Ненавижу! – говорит Шельда, и вдруг прорывает, хочется подойти, ударить, убить его... но он чистит кастрюлю...
– За Норага, за все! Ты обманул его! Ты обещал отпустить людей, а устроил бойню! Ты чудовище! Тварь! Ты...

– Но ты пожалела меня? Беспомощного? И даже сейчас, в душе, ты пытаешься меня оправдать, потому что если не оправдывать, то я просто не имею права здесь находиться... живым. Я ведь заслуживаю смерти? Не плачь. Я и сам знаю, что заслуживаю.

– Я не плачу, – говорит она.

– Плачешь. Голос дрожит. Только хочу сказать, Шельда – я не обманывал Норага. Это было его решение. Если ты жила с ним, то и без меня знаешь. «Лучше быстрая смерть, чем год за годом превращаться в тварь». И я с ним согласен. Сложно уловил эту грань, когда перестаешь быть человеком, особенно, если ничего не можешь с этим сделать. Я поступил именно так, как ему обещал.

– Т-ты!... – Шельда дергается, судорожный вздох, почти всхлип... да, она плачет. – Ублюдок!

– Ударить меня? – говорит он.

Нет... хватит с нее. Слезы текут по щекам. Впервые, со смерти мужа... Нет, она и тогда не могла плакать, казалось, все выгорело внутри. Плакала только, пока он был жив. А теперь...

– Или, может быть, ты знаешь, Шельда, как остановить

Лес? Как сделать, чтобы он больше не требовал крови? Чтобы твари сдохли все разом?

Шельда молчит. Ей нечего на это ответить.

– Я почти закончил, – говорит Хёнрир. – Принесешь чистой воды?

Глава 4. Хёд

Весной пахнет.

Холодно еще, и ветер пробирает насквозь, но все равно так удивительно приятно выбраться на крыльцо, вдохнуть...

Мир вокруг. Его не увидеть, но он все равно здесь. Люди... слышно, как соседки переругиваются вдалеке, где-то колют дрова, веселые крики ребятни, собака залаяла...

Скоро Тяден придет обедать.

Шельда вернется.

– Пообещай, что не сбежишь, – сказала Шельда уходя. – Пообещай. По крайней мере, пока Лес не придет за обещанной жертвой. И тогда я попрошу Орфоста сделать тебе костыль, ты сможешь выйти на улицу, если захочешь.

– Ты думаешь, я в состоянии сбежать от тебя? – удивился он.

Шельда хотела что-то ответить, но... долго колебалась.

– Сейчас еще нет, – сказала она. – Но кто знает, если к тебе начнет возвращаться сила...

– Если вернется сила, то твои костыли мне будут уже не нужны.

Она вздрагивает, слышно ее чуть судорожный вздох.

Той силы, которая была у него когда-то, хватит, чтобы самостоятельно восстановить ногу и зрение. Он сможет сделать сам то, что когда-то сделал Лес.

Вопрос в том, вернется ли сила.

– Пообещай, – потребовала она.

– И ты поверишь моему слову? А если я обману тебя?

– Лес не пустит тебя назад. Убьет.

Голос Шельды напряженно звенел льдом.

– Да? Значит, если я тебя обману, то Лес меня накажет?

Я правильно понял, Шельда?

– Пообещай.

– Шельда, не лезь ко мне в голову, убери ментальные нити.

Они прорастают. Если я нужен тебе, как послушная тварь, то почему ты не сделала этого раньше?

– Пообещай мне, и я сделаю так, что ты сможешь ходить.

– Нет, – сказал он. – Пока не понимаю твоих игр, я ничего не стану тебе обещать. Хочешь, попробуй убить меня. Но заставить – ты не заставишь.

Шельда ушла тогда.

А он сидит.

Костыль – неплохая идея, между прочим.

Дом в деревне, а значит, должен быть какой-то сарай. И там... грабли, например. Обмотать зубья тряпкой, будет опора под плечо, подмышку. Подрезать черенок, если слишком длинный... Если не найдет грабли, то лопату, косу... крепкую палку с опорой под руку, придумать что-нибудь. Все лучше, чем табуретка. Вряд ли Шельде это понравится, но он попробует, все равно.

Но главное – попытаться нащупать силу. Если первые проблески есть, то есть и надежда. Хёд чувствует ее, где-то рядом. Пока ничего не сделать самому, даже палец, поцарапанный день назад, никак не заживает... это так непривычно. Но видеть свет силы он может. Попытаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.